

7. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада: монография / О.Б. Александров. – с. 11.
8. Абрамов Ю.Ф., Арсентьева И.И. Регионоведение России: учебное пособие / Ю.Ф. Абрамов, И.И. Арсентьева. – с. 144.
9. Абрамов Ю.Ф., Арсентьева И.И. Регионоведение России: учебное пособие / Ю.Ф. Абрамов, И.И. Арсентьева. – С. 144.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Чащин

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА – ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В.В. Чащин

*Читинский государственный
университет*

Сформировавшиеся в науке направления исследований международного терроризма характеризуются правовым¹, социологическим², политологическим³, цивилизационным⁴, социально-психологическим⁵ и другими подходами.

Дополним имеющееся понимание его сущностной причины, связывая ее с глобальной интеграцией и дезинтеграцией социального мирового

развития.

Детерминистский подход, сочетающий в себе отмеченные выше подходы, представляется здесь интегральным. Он акцентирует внимание на причинно-функциональной связи международного терроризма с процессом глобализации и регионализации. В научном познании эти две категории должны составлять единую общеметодологическую базу познания международного терроризма. Глобализация и регионализация – объективные реальности формирующегося социального мира.

Глобальность нашла свое отражение во всех сферах международной жизни – политической, социальной, военно-политической, культурной и т. д. Мир сегодня воспринимается как глобальный. Позитивные сдвиги и негативные перемены под влиянием глобализации, вызвали новые проблемы и угрозы для мирного сосуществования государств, народов и конкретных людей. В самом общем виде глобализация – процесс возрастающего воздействия различных факторов нового международного порядка на социальную действительность, обусловивших специфическую тенденцию обеспечения национальных интересов и безопасности, их стремления к регионализации. Одним из механизмов построения нового, глобального мирового порядка, стал международный терроризм.

Современный процесс глобализации имеет свою предысторию, отражающую и историю различных «классических» форм терроризма. Исследователи выделяют предшествующие глобальные интеграционные циклы⁶, или протоглобализацию⁷, проходившую в период с середины XIX в. по настоящее время.

На основе экономического анализа этих явлений ряд ученых утверждает, что в начале XX в. мир был более глобализирован, чем в середине столетия. Действительно, процесс сближения государств в тот период осуществлялся более быстрыми темпами. Снижались транспортные издержки, таможенные тарифы, возрастали миграционные и финансовые потоки⁸.

В XIX–XX вв. мировое хозяйство сформировалось как целостная система – система глобального капитализма, включающая машинную индустрию, современный транспорт и мировой рынок, которая уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран. Промышленно развитые страны вступили в новую фазу развития, которую В.И. Ленин, вслед за Дж. Гобсоном, назвал империализмом.

Своего расцвета система глобального капитализма достигла к 1910 году. Примерно 89% населения Земли проживало в странах с конвертируемой валютой. Сложилась глобальная энергетическая интеграция. «Поле нашей деятельности является весь мир» – таким был девиз крупнейших международных транспортных и промышленных компаний.

Глобальная дезинтеграция и развал сложившейся системы глобального капитализма начался в годы Первой мировой войны с введением огра-

ничений, свойственных экономике военного времени, и усилением автаркических процессов. Международная торговля и инвестиции стагнировали. Таможенные барьеры между государствами резко поднялись. Мировой вывоз капитала резко сократился.

Первая мировая война положила конец эпохе «открытых границ». Международная миграция рабочей силы (к численности Земли) в 20-е годы сократилась вдвое, в 30-е – на порядок по сравнению с началом века. «Великий раскол» в мировом хозяйстве был связан и со сменой технологических укладов. Система международного разделения труда, начиная с 1914 г., подвергается сильнейшим потрясениям. Все это свидетельствовало о том, что экономика вступила в «переходный период», когда старые движущие силы развития и глобальной интеграции, порожденные первой промышленной революцией, себя исчерпали, а новые (автомобилизация, переход угля на нефть и т. д.) еще не заработали в полную силу.

Во все эти времена террористические акты использовались в качестве крайнего метода политической борьбы. Объектами террора становились конкретные общественные или государственные деятели либо определенные социально-политические группы лиц⁹. При этом сама террористическая деятельность была достаточно спонтанной, эпизодической и локальной. Она не выходила за рамки решения внутренних политических проблем, ограничиваясь временными рамками¹⁰.

Второй глобальный интеграционный цикл, обусловивший современную тенденцию дезинтеграции и новую форму терроризма, вырос из промышленной революции конца XIX–начала XX вв., усиленной импульсами НТР. Вторая промышленная (технологическая) революция – автомобилестроение, нефтедобыча, нефтепереработка и т. д., во второй половине XX в. стала главной движущей силой международного разделения труда. В первой половине 70-х годов XX в. международное разделение труда и удельный вес внешней торговли в мировой экономике были восстановлены на уровне прежних показателей. Наряду с нефтью и автомобилями, важнейшей отраслью международной торговли становится туризм. Современная мировая экономика стала отличаться от прежней особой специфической ролью наднациональных институтов (МВФ, Всемирный банк, ГАТТ-ВТО). Особое значение приобрел экспорт капитала¹¹.

В начале 60-х гг. в странах с открытой рыночной экономикой проживало всего 20% населения Земли, а большинство в социалистических странах и государствах, избравших «третий путь». К концу XX столетия ойкумена «экономической открытости» расширилась. С признанием открытого характера экономики России и Китая, в условиях открытой рыночной экономики проживает 87% населения Земли и производится 83% мирового валового продукта¹².

Однако возникшие глобальные проблемы, хаотично формирующая-

яся геоэкономическая и геополитическая структура современного мира, детерминированные крайне опасной социальной дифференциацией и неравенством, проблемностью ресурсного потенциала устойчивого экологического развития, накладывают определенные ограничения на процесс глобализации, нарушают масштабность этого явления, запустив механизм нового цикла его дезинтеграции. Инструментом, способом этого цикла дезинтеграции социального мира продолжал оставаться терроризм в его качественно новой форме – «международной». Этот вид терроризма стал представлять собой надгосударственную внешнюю угрозу, отличающуюся как по составу участников, так и по преследуемым целям.

Главным итогом второго интеграционного цикла, рассматриваемого нами как организуемый постиндустриальными обществами процесс, стало «второе рождение» глобального капитализма, обусловившего функционирование глобального терроризма. Более «мягкой формой» реализации этой стратегии стало формирование «глобальной культуры». По мнению американского социолога П.Л. Бергера, эта зарождающаяся глобальная культура в основном западная и, разумеется, американская по своему происхождению, распространяется во всем мире, как на уровне элит, так и широких масс. Движущими силами «культурной глобализации» являются деловая элита, клуб интеллектуалов, массовая культура и общественные движения¹³.

Неслучайно в научном сообществе не сложилось общепризнанного определения категории «глобализация». Это явление настолько масштабное и противоречивое, что вызывает трудности его научной рефлексии. Так, многие исследователи считают, что глобализация – это самоорганизация современного социального мира, обеспечивающая получение, хранение и переработку знаний, информации, усвоения достижений науки и технологий, миграция людей и культурных ценностей¹⁴. И.И. Лукашук представляет глобализацию как «...всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую и общественную систему. Социальная, экономическая и политическая деятельность обретают мировой масштаб в такой мере, что события в одной части мира могут иметь немедленное значение для отдельных лиц и их объединений в самых отдаленных частях глобальной системы»¹⁵.

На наш взгляд, прагматичным осмыслением феномена глобализации является и объемная интерпретация всех основных сфер глобального мира в различных его аспектах и измерениях, проделанная Э. Г. Кочетовым¹⁶.

Множественность мнений о базовой категории «глобализация» В.А. Михайлов сводит к нескольким основным группам: «Глобализация – это:

– становление общемирового финансово-экономического простран-

ства рынка общепланетарного масштаба;

– постиндустриальная стадия развития стран и появление общемирового информационного пространства на базе новейших компьютерных и медиатехнологий;

– гомогенизация и универсализация мира;

– попытка повсеместного распространения единой системы ценностей неолиберального толка;

– политически востребованная концепция однополярного мира и формирования нового мирового порядка»¹⁷.

Подобная неоднозначность определения статуса глобализации в значительной мере объясняется тем, что этот процесс содержит в себе противоположные тенденции, отмеченные выше как интеграция и дезинтеграция. Глобальная интеграция и дезинтеграция, интенсифицируя социальное неравенство, являются одним из факторов сущностной причины международного терроризма. В целом, глобализация обусловила международный терроризм как способ, норму, «метод» и эффективный инструмент происходящих социально-политических изменений, обеспечивая построение нового глобального мирового порядка. Дальнейшее развитие в этом направлении представляет угрозу всему человечеству¹⁸.

Конкретные варианты глобализации и ее инструмента – международного терроризма, в границах подобного видения многообразны и представляются как их взаимосвязь с геоэкономической структурой мира, интеграционными циклами, нестандартной системой мировых отношений, политическими и культурными изменениями и т. д.

Глобализация – процесс социоприродного развития, приводящий к формированию новых транснациональных и геополитических пространств, возникновению острых ресурсных проблем, социального неравенства и конфликтов на этой почве, решаемых новыми специфическими средствами. «Глобализация есть неустранимое условие человеческой деятельности...»¹⁹.

Попытки западной цивилизации достижения геоэкономических и геополитических преимуществ в формирующемся глобальном мире любыми средствами приводит в конечном итоге и к ценностным деструктивным цивилизационным трансформациям, потере стабильности и устойчивости, поскольку происходит абсолютизация экономического фактора и экономической глобализации. Поэтому современный цикл глобализации, который не тождественен глобализации как общецивилизационному феномену, предопределил деструктивную тенденцию разрушения национальных границ, экономик, идентификации базовых культурных ценностей и прав не только личности или отдельных социальных групп, но отдельных стран и целых народов.

Отмеченные характеристики ценностных сдвигов западного обще-

ства наблюдаются и в России: утрата человеком контроля над социальными процессами; восприятия их как природных; неспособность человека и общества к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий²⁰.

В процессе глобализации под воздействием «внешней среды и лозунгами «демократизации обществ» происходит коренная трансформация и смена национальных институтов государственной власти. Это подтверждается событиями не только на постсоветском пространстве – в Грузии, на Украине, в Киргизии, но и в Югославии, Афганистане, Ираке. Под известным предлогом готовится превентивный удар по Ираку. Эффективным деструктивным инструментом, способом социально-политических изменений во всех этих событиях является и международный терроризм²¹. В результате изменений часть государственных функций переходит на более высокий иерархический уровень к всемирным, международно-региональным организациям и транснациональным корпорациям.

Противодействие разрушительному процессу глобализации сформировало тенденцию регионализации. В международных отношениях, в качестве самостоятельных субъектов-акторов стали выступать различные регионы – государства и региональные группировки.

Роль регионализации усилилась не только в общественном воспроизводстве, но и в межкультурном взаимодействии. В мировой геоэкономической системе происходит активное формирование региональных экономических группировок, использующих местные этнокультурные и национальные особенности в качестве фундамента новых стратегий безопасного и устойчивого развития²², в том числе и в борьбе с международным терроризмом.

В международных политико-экономических отношениях преимущества получают «регионы – системы» («российский регион», «китайский регион», ЕС, АТР), способные создать оптимальное соотношение между процессами глобализации и регионализации, обеспечивающее тем самым интересы их устойчивого и безопасного развития.

Современная цель создания и функционирования «региона-системы», – пишет В.И. Дворцов, – заключается не только в росте капитализации хозяйства регионов этой системы, т.е. в приращении стратегического капитала на фиксированной территории, но и в идее национальной миссии развития, выражающей смысл существования и безопасность ее воплощения²³.

В процессе глобализации формируется новая форма регионализации – глобальная регионализация, в ходе которой складывается инновационная пространственная структура национальной (российской, китайской и т. д.) экономики с выделением государства-региона (или группы государств-регионов) как самодостаточного, социально-экономического и политиче-

ского субъекта международных отношений, обладающего собственными конкурентными ресурсами и социально-экономическими, культурно-цивилизационными преимуществами, необходимыми для противостояния разрушительным тенденциям глобализма.

Уже в конце 90-х гг. XX века под воздействием рассматриваемых условий и факторов глобализации во многих странах произошли структурные социально-экономические и политические изменения. Это привело к росту концентрации капитала в наиболее развитых постиндустриальных странах, доминирующих в мировой экономике – США, Великобритании, Германии, Франции и Японии.

В этих странах сосредоточено более двухсот крупнейших транснациональных компаний, проводящих свою глобальную политику и использующих в этих целях различный «инструментарий». Эти двести мегафирм, щитом и подмогой которых является НАТО, «охватывают все области человеческой деятельности: от промышленности до банков, от оптовой до розничной торговли, от экстенсивного сельского хозяйства до всех мыслимых ниш в сфере финансовых услуг как законного, так и незаконного характера...».²⁴

Одним из наиболее очевидных проявлений глобализации, детерминирующих тенденцию регионализации, стало прогрессирующее нарастание разрыва в уровнях экономического развития и интенсификация глобального социального неравенства между наиболее развитыми и отсталыми странами.

Несмотря на достижения мирового экономического и научно-технического прогресса, разрыв в уровне благосостояния между богатыми и бедными странами продолжает расти. Если в 1960 г. разница в доходах между богатейшей частью земного шара составляла 30:1, то в 1997 г. она уже равнялась 74:1.

К концу 90-х гг. первая (богатая) группа стран производила 86% мирового ВВП, а вторая – лишь 1%. У наименее развитых стран на протяжении последних 40 лет темпы экономического роста были нулевыми или даже отрицательными. Глобальное неравенство, социальные проблемы и противоречия характерны даже для некоторых стран Запада²⁵.

Социальная поляризация и возрастающее неравенство характерны и для России. Важнейшим показателем в этом плане принято считать соотношение уровня доходов между 10% наименее обеспеченных семей (иногда учитывается 20%), на основании чего определяется так называемый «коэффициент Джини». По этому показателю уже в 1993 г. положение в России было почти вдвое хуже, чем в странах Восточной Европы, приближаясь к существующему в государствах Латинской Америки²⁶. П р о ц е с с ы глобализации обуславливают в мире, прежде всего, рост социально-экономического неравенства, политических, этнических межкультурных

противоречий Востока и Запада, Севера и Юга. Страны «золотого миллиарда», навязывая свои ценности, власть капитала и политическую власть, охватывающую весь мир, получают прямо противоположный результат.

В разных странах возрастает сопротивление глобализирующемуся отчуждению «бедных стран», в которых «применение европейских стандартов... ведет к уменьшению шансов этих стран на улучшение их жизненного уровня», отмечает экономист Е. Гундлах²⁷ и другие исследователи.

Особенно непоследовательно и неравномерно происходят глобальные институциональные изменения, вызывающие сопротивление этому процессу. Насильственно внедряются западные политические институты, парламентаризм и выборность необходимых Западу деятелей, стремительно растет рекламная и пиаровская деятельность СМИ по формированию глобалистского общественного сознания. В результате в этих странах становится значительно труднее проводить политику самостоятельного развития.

Антизападные настроения в «третьем мире» являются частным случаем антиглобалистского движения, распространяющегося по всему миру. Если в западном мире антиглобализм имеет мирную, гуманистическую, правовую экологическую ориентацию, то в Азии, Африке он сводится, главным образом, к организованной насильственной деятельности против американской «сверхдержавности», однополярного мира, диктата Запада, сохраняющего глобальное социальное неравенство, зависимое положение народов Юга (Востока).

Социально-политические различия между бедными и богатыми странами, народами, слоями населения неуклонно возрастают. Это вызывает процесс маргинализации большей части мирового сообщества, усиливая с ее стороны маргинальный экстремизм, радикализм и криминогенный терроризм²⁸. С другой стороны – проявления международного терроризма как скрытого стратегического инструмента, способа управления процессами глобального социального развития.

Неслучайно криминально-террористическое насилие осуществляется и на территориях маргинальных стран и в обществах «золотого миллиарда» – государствах «западной демократии». Именно на территориях западных государств (США, Великобритании, Франции, Англии) находятся наиболее радикальные экстремистские террористические организации, в том числе и мусульманские, представляя собой специфический стратегический ресурс этих государств, не закрепленный в их праве. В этом случае государства, используя этот ресурс и формируя неправовые нормы насильственной международной деятельности, реализуют свои глобальные национальные интересы. Так, межэтнические вооруженные конфликты или «конфликты идентичности»²⁹ между официальными властями и террористическими по своей сути вооруженными группировками и экстремистскими организациями, – эффективный способ дестабилиза-

ции обстановки в ряде регионов бывшего СССР, в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) и Китае. В этом контексте конфликтногенная проблема в ЦАР, Китае, особенно в Синьцзянской зоне конфликтов, китайскими исследователями интерпретируется как взаимосвязанное проявление «Трех темных сил» – международного терроризма, религиозного экстремизма и национального сепаратизма. Активизация «трех сил», поясняют китайские аналитики, связана с внутренними и внешними причинами.

Внутренние факторы – обнищание населения, влияние религии, которая является «рассадником терроризма». Религиозные радикалы утверждают, что бедность – это результат отступления от Корана и отсутствия режима Халифата. Поэтому необходимо уничтожить светский режим и создать исламское государство и Халифат. Действенным орудием построения Халифата является терроризм.

Внешний фактор – проамериканская политика, провоцирующая проявление «трех темных сил»³⁰. США, незаинтересованные в усилении позиций КНР, считают национальный сепаратизм, религиозный экстремизм фактором, способствующим реализации геополитической стратегии «разделяй и властвуй».

Именно с этой точки зрения международный терроризм и следует рассматривать как один из инструментов неоглобалистской политики Запада, установления им нового мирового порядка.

Примером насильственного построения Западом нового мирового порядка могут служить «миротворческие операции США «Возрожденная надежда» в Сомали, НАТО – в Косово, приведшая к распаду Югославии. По мнению И. Рамоне, новая стратегия Запада, направленная на создание подобного «глобального миропорядка», проявилась в том, что «... во имя гуманитарного вмешательства, ставящегося отныне превыше всего, НАТО без колебаний нарушает два важнейших запрета международной политики: государственный суверенитет и Устав Организации Объединенных Наций»³¹.

Наиболее значимыми для сегодняшней России фронтами – регионами подобной необъявленной де-юре, но идущей де-факто войны с международным терроризмом в ее «горячей» фазе являются: Чечня, граница Афганистана с постсоветскими республиками Средней Азии. Последствия ее таковы, что «...распад отдельных стран или приход к власти в них группировок, опирающихся на международный терроризм, весьма вероятны в случае успешности его действий. Такая модель может быть, в принципе, реализована и на территории России, и в странах Запада с их многомиллионным исламским населением»³².

В этом «гуманитарном» качестве транснациональная террористическая деятельность группы государств, в силу ее специфики и многослойного прикрытия, трудно понимаема во многих обществах, что приводит

к широко распространенному представлению о существовании лишь «исламского» терроризма.

Поэтому необходимо согласиться с точкой зрения российских и зарубежных ученых, связывающих воедино международный терроризм с процессами глобализации и построением нового мирового порядка, представляющих причины возникновения и возможности реализации этого универсального социально-политического феномена и стоящих за ним мощных деструктивных сил³³.

Глобальный передел мира, осуществляемый ведущими государствами западной цивилизации, использует международный терроризм как эффективный инструмент своей геополитики, ставшей способом и средством социально-политических изменений в условиях глобализации. Достаточно много примеров, когда международный терроризм используется в качестве силы для разрушения существующих экономических, политических структур, нарушения сложившегося военно-политического приоритета, перекраивания геополитических интересов, влияния и взаимодействия.

Неслучайно А.Д. Батуров (заместитель директора Института США и Канады РАН), анализируя главные процессы мировых трансформаций, обусловивших международный терроризм, выявляет при этом наиболее устойчивые, глубоко мотивированные характеристики политики США. Он связывает ее со «стратегией разравнивания», относящейся к России, Китаю и другим странам, реализуемой в течение последних десяти лет³⁴.

Президент США Б. Клинтон озвучил идеологию этой стратегии в ежегодном послании 2000 г., провозглашая содействие распространению глобализации главной задачей международной политики США. «Глобализация – это не только экономика. Нашей целью должно стать объединение мира вокруг идей свободы, демократии и мира для противостояния тем, кто не разделяет эти понятия. В этом состоит фундаментальный вызов, с которым Америка, я уверен, должна справиться в XXI веке»³⁵.

Таким образом, геополитический смысл американской стратегии глобальной интеграции и дезинтеграции заключается в реорганизации всего мирового пространства, создании совершенно новой государственной и коммуникационной структуры, максимально обеспечивающей поступательное развитие экономики и национального хозяйства, прежде всего, США. При решении экспансионистских задач такого масштаба возникает вопрос о механизме реализации подобной геополитической стратегии и естественном сопротивлении международно-политической среды, принявших известные формы международного терроризма.

Детерминируемый глобализацией международный терроризм – это не только комбинация социального протеста, культурного конфликта и психологической ненависти при различении «друга и врага», но и новый тип войны, насилия, скрыто продолжающий политику государств неполи-

тическими акторами, имеющий социальный, политический и цивилизационный характер³⁶.

Вместе с тем, международный терроризм – международная криминальная сила, технологически хорошо оснащенная, ставящая политические цели и выступающая в роли политического актора. «Ее действия направлены против своего или чужого государства, не напрямую, а в форме атак на гражданское население... Это преступность, сопутствующая разрушению традиционного общества без одновременной успешной модернизации»³⁷.

Подобное интегральное представление статуса международного терроризма позволяет интерпретировать его в различных функциональных измерениях – как специфический инструмент реализации определенных интересов (государственных и негосударственных), как «метод достижения политических целей»³⁸ и, в конечном счете, как неправоую норму глобализирующегося мирового развития. Все эти сущностные измерения связаны с базовыми понятиями, условиями и факторами процесса глобализации – осевой проблемы развития современного социального мира.

Примечания

1. Устинов В.В. «Международный» опыт борьбы с терроризмом: Стандарты и практика. – М. : ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.; Артамонов И.И. Терроризм: Способы предотвращения, методика расследования. – Монография. 2-е издание, испр. и доп. – М. : Издатель Шумилова И. И., – 2002. – 331с.
2. Розин В. М. Терроризм как выразительный симптом кризиса нашей цивилизации? // *Философские науки*. – 2002. – № 1. – с. 126-130.
3. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.; Абрамов В.А. Международный терроризм – возрастающая угроза национальной безопасности России : монография / В.А. Абрамов, Г.А. Антонов. – Чита : ЧитГУ, 2005. – 167 с.; Федотова В. Терроризм: попытка концептуализации / В. Федотова // *Pro et Contra*. – Т. 7. – 2002. – № 4. – с. 196–209 и др.
4. Копылов Г.Г. Люди ли люди? // *Философские науки*. – 2002. – № 1. – с. 141–144.
5. Никитаев В. В. Террофания // *Философские науки*. – 2002 – № 2. – с. 135–140.
6. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 5. – с. 56–64.
7. Саломон К. Культурная экспансия и экономическая глобализация // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 1. – с. 105–115.
8. Бобков Ф., Иванов Е. и др. Современный глобальный капитализм. – М., 2003.
9. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX–начала XX веков. Истоки, структура, особенности /А. И.Суворов// *Социологические исследования*.

- 2002. – № 7. – с. 54–60.
10. Хоффман, Брюс. Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism / Брюс Хоффман; [Перевод с англ. Е. Сажина]. – М. : Ультра. Культура, 2003. – 264 с.
 11. Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции. – с. 58–64.
 12. Там же. – с. 63.
 13. См. подробно: Многоликая глобализация / под. ред. П. Бергера и С. Хантингтона / пер. с англ. В.В. Сапова – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 379 с.
 14. Кувалдин В. Глобализация и рождение мегаобщества // Труды Фонда Горбачева. – Т. 7. – М., 2001. – с. 3–34 и др.
 15. Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. – М., 2000. – с. 1.
 16. Кочетов Э. Глобализация (истоки, сущность, основные характеристики) Статья первая // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1. – январь-март. – с. 383–391; Он же: Статья вторая // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2. – апрель-июнь. – с. 188–204.
 17. Михайлов В. Глобализация – объективный фактор развития современного мира // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1. – январь-март. – с. 217–218.
 18. Мясникова Л. «Новая экономика» в пространстве постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 12. – с. 3–15; Салицкий А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 2. – с. 15–19; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М. : Алгоритм, 2003; Неолиберальная глобализация и догоняющее развитие. – М. : Институт микроэкономики, 2003; Парадоксы глобализации – вызовы и поиски ответа: материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – Вып. 7. – М. : Новый век, 2001 и др.
 19. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелникова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – с. 34.
 20. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – с. 3–23
 21. Антонов Г.А. Международный терроризм как деструктивный способ социально-политических изменений в условиях глобализации : автореф. дисс. ...канд. политических наук. – Улан-Удэ, 2005. – с. 3–19.
 22. Гусейнова Л. Взаимоотношения глобального и регионального в концепции устойчивого развития: философско-методические аспекты // Безопасность Евразии. – 2004. – № 4. – октябрь-декабрь. – с. 462–470.
 23. Дворцов В. «Регион-система» как новое геоэкономическое инфраструктурное деление проблемы становления// Безопасность Евразии. – 2005. – № 2. – Апрель-июнь. – С. 443–452.
 24. Clairmont F. La puissance des veritables maitres du monde// Monde diplomatique. – Dec. – S. 5.
 25. Кузнецов В.И. Что такое глобализация?// Мировая экономика и международ-

- ные отношения – 1998. – № 2; Тукало А., Авдеева Т.Г. Глобализация мировой экономики // *Международная жизнь*. – 2000. – № 5. – с. 54–55; Долгов С.И. Проблемы глобализации – полемика продолжается. Шок глобализации// *Внешнеэкономический бюллетень*. – 2002. – № 11(ноябрь). – с. 12.
26. Загладин Н. Новый мировой беспорядок // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 1 – с. 17.
27. Gundlach E. Globalization: economic challenges and the political response // *Intereconomics*. – Hamburg, 2000. – Vol. 35, № 3. – P. 115–118.
28. Лунев В.В., Петрищев В.Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира // *Борьба с терроризмом* / науч. ред. В.Н. Кудрявцева; сост. Л.В. Брятова; *Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом* – с. 5–80.
29. Лебедева М.М. Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 5. – с. 31–39.
30. См. подробно: Шанхайская организация сотрудничества и ситуация в Центральной Азии (в освещении научной печати КНР). Экспресс-информация – № 9. – М. : РАН, ИДВ – 2005. – с. 24–91.
31. Ramone I. Nouvel ordre global // [http:// www/ monde-diplomatique. fr/dossier/ft/petrella. html](http://www/monde-diplomatique.fr/dossier/ft/petrella.html)
32. Сатановский Е. Глобализация терроризма и ее последствия // *Международная жизнь*. – 201. – № 9–10. – с. 23. См. также: Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация (структурно-геополитический анализ) // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 2.
33. Хорос В. «Крона», «Корни» и «Климат терроризма» // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. – № 3. – с. 47–49.
34. Батуров А. «Стратегия разравнивания в международных соглашениях и внешней политике США // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2001. – № 12. – с. 20–29.
35. The state of the Union Address // *Washington Post*. – 27.02.2000.
36. Toffler A., Toffler H. *War and anti-war: Survival at the Dawn of the 21-st Century*. – Houston; N.Y; Toronto; L.: Little Brown and Company, 1995.
37. Федотова В. Терроризм: попытка концептуализации. – с. 201.
38. Там же. – с. 208.